

Е. Н. Комиссарова
(Барнаул)

Проблемы изучения памятников культуры русской эмиграции в провинции Синьцзян в Западном Китае

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), расположенный на северо-западе Китая, является крупнейшей провинцией страны. Именно здесь после окончания Гражданской войны в России нашли приют несколько десятков тысяч русских, вынужденных покинуть пределы своей родины и отправиться в изгнание.

В течение долгого времени история русской эмиграции в Синьцзяне оставалась закрытой темой для ученых. Отдельные ее аспекты затрагивались в исследованиях советского времени, но лишь в контексте проблем иного характера. Только в последние десять лет (документы о Синьцзяне были рассекречены в конце 1990-х) у исследователей появилась возможность на основе уникальных архивных материалов попытаться воссоздать историю этого забытого уголка русского рассеяния. К настоящему времени опубликован ряд статей, монографий, мемуаров, посвященных как общим вопросам существования русской эмиграции в провинции Синьцзян, так и отдельным ее представителям¹.

¹ *Аптекарь П.* Белое солнце Синьцзяна. // Родина. 1998. № 1; *Бармин В. А.* 1) СССР и Синьцзян 1918–1941 гг. Барнаул, 1998. 2) К вопросу о сотрудничестве бывших консулов царского и временного правительств России в Синьцзяне с белогвардейским движением // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда. Барнаул, 2003; *Ганин А. В.* 1) Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; 2) Атаман А. И. Дутов. М., 2006; *Наземцева Е. Н.* 1) Из истории белой эмиграции в Синьцзяне. Генерал-лейтенант А. С. Бакич // Четвертые востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица: Материалы IV региональной конференции. Барнаул, 26 апреля 2002 г. Барнаул, 2002. 2) Атаман Анненков и власти провинции Синьцзян в 20-е гг. XX в. // VII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование».

Между тем памятники культуры «синьцзянских русских», история их возникновения, современное состояние практически не фигурируют в современной историографии Русского зарубежья. Причины этого заключаются прежде всего в том, что этих памятников не так много. В архивных документах сведения о них практически отсутствуют. Научные же экспедиции в Синьцзян, в данной ситуации просто необходимые, до сих пор организованы не были.

В представленной статье сделана попытка, используя доступные источники, реконструировать историю материальных памятников культуры русской диаспоры в провинции Синьцзян, выявить основные проблемы их сохранения. Можно выделить следующие группы таких памятников: памятники православной культуры (храмы, моленные дома), памятники, отражающие особенности повседневной жизни диаспоры (жилые дома, кварталы, школы и т. д.), кладбища.

История русской эмиграции в Синьцзяне имеет ряд особенностей, которые прямым образом повлияли на специфику существовавших здесь, исчезнувших или сохранившихся до сих пор, памятников, а также на их историческую судьбу. Основную массу населения провинции издавна составляли не только китайцы, но и различные представители неханьских народов: сарты, киргизы, дунгане, монголы, монголы-хошуты, татары, тюрки (уйгуры), таранчи, другие, более мелкие национальные группы (чахары, дулане, лобыки, галча, сибо, солоны), а также русские².

В связи с этим важнейшей особенностью истории русской диаспоры в Синьцзяне являлась необходимость ее сосуществования и взаимодействия не с одним коренным народом региона, как в большинстве других центров эмиграции, а с представителями целого ряда неевропейских народностей и конфессий. Другой особенностью является возникновение основных центров русской диаспоры в дореволюционный период.

Появление в Синьцзяне первых русских относится к концу XVIII в. В XIX в. и до начала XX-го русские, преимущественно купцы и крестьяне, создавали поселения в городах провинции и приграничных деревнях. Во второй половине XIX в. в Синьцзяне появились русские консульства и торговые представительства. В 1877 г. открылась первая русская церковь в Кульдже. Постепенно рядом образовался целый русский квартал. Он был расположен на северо-западе от городской крепости, недалеко

(14–18 апреля 2003 г.): Материалы конференции: В 5 т. Т. 4. Ч. 1.: История и правоведение. Томск, 2003. Сафронова Е. Где ты, моя Родина? М., 1999; Трескин Н. С. О жизни и о себе // Россияне в Азии. Литературно-исторический ежегодник / Центр по изучению России и Восточной Европы. Торонтский университет. 1998. № 5 и др.

² Проблемы Китая. 1933. № 11. С. 134, 138.

от р. Пимьчи-Су. Здесь же находились дома священника, доктора, казармы семиреченской казачьей сотни и лазарет. Православная церковь Кульджи — Свято-Никольский храм, единственный православный храм в городе — красовалась на открытой площадке.

Вместе с тем православие распространялось медленно. Число православных храмов было просто ничтожным. Чувствовалось сильное противодействие ислама, буддизма, ламаизма. Как отмечалось в статье, посвященной истории кульджинской церкви, «приходится чуть не по нескольку лам на каждую юрту кочующего населения»³.

Таким образом, несмотря на то что этот регион входил в состав Китайской империи и, соответственно, не был под юрисдикцией царской России, однако здесь еще до революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны уже сформировалась небольшая община русских. Соответственно, появились необходимые атрибуты *русской* жизни ее обитателей. Китайское руководство провинции в то время этому не препятствовало, но и особо не приветствовало, занимая позицию стороннего наблюдателя.

К концу XIX в. русская колония в Синьцзяне насчитывала около 2000 человек. К этому времени основными центрами расселения являлись уже практически все крупнейшие города провинции — Кульджа, Чугучак, Суйдун и столица провинции — Урумчи. До сих пор в облике их старых кварталов прослеживается русское культурное влияние. Как правило, это ставни и резные наличники на окнах домов, потемневшие от времени скамейки у массивных ворот. От того времени в центре Кульджи сохранилось несколько зданий бывшего российского консульства, а русские домики XIX в. сегодня являются частью современного комплекса — отеля «Или».

К началу XX в. Синьцзян уже был сравнительно массово заселен русскими. Но наиболее крупный приток их в провинцию пришелся на период после Октябрьской революции 1917 г. Тогда в результате Гражданской войны в России китайскую границу в районе Синьцзяна перешли значительные по своей численности формирования Оренбургской и Семиреченской армий атаманов А. И. Дутова и Б. В. Анненкова, а также 4-го Оренбургского корпуса генерала А. С. Бакича.

Из остатков этих войск и гражданского населения в начале 1920-х гг. образовалась многочисленная (около 50 тыс. человек) колония русской белой эмиграции. Позже большинство из них вернулось на Родину, переехало в другие районы Китая или другие страны. Однако несколько тысяч русских остались в Синьцзяне. В течение длительного времени они

³ Нива. 1879. № 41. С. 815.

оказались практически в полной изоляции от русской и европейской культуры. Приходилось налаживать отношения с местным населением — уйгурами, дунганями, казахами, киргизами, а также с китайским руководством провинции. В середине 1930-х гг. практически вся военная часть русской эмиграции участвовала в подавлении мусульманского восстания, разгоревшегося в провинции, на стороне китайского руководства⁴.

Это обеспечило представителям русской диаспоры официальное получение гражданства Китая. Тогда же за ними было закреплено наименование «Гуйхуа». Русские стали гражданами Синьцзяна, получив равные права в числе 13 национальностей. Появились новые элементы в культурной жизни русской диаспоры: различные организации русских эмигрантов, например Русское экономическое общество, русский общественный клуб, был даже организован небольшой театр, представления которого проходили в клубе. Главная цель заключалась в сохранении основ русской культуры и передаче их новому поколению, появившемуся уже в эмиграции.

Эта цель реализовывалась и за счет организации и строительства здесь школ, гимназий. Например, были открыты русские школы практически во всех основных центрах белой эмиграции в провинции, была также организована 2-я Синьцзянская правительственная гимназия в Урумчи⁵. Все они располагались в скромных каменно-глиняных постройках, характерных для Средней Азии, и практически не выделялись на общем фоне. Их интерьер и оформление также были довольно скудными.

Это отражало и уровень благосостояния, и, что не менее важно, образование членов диаспоры: во-первых, здесь не было потомков знатных фамилий, представителей дворянской и интеллектуальной элиты, во-вторых, большинство «синьцзянских русских» существовало за счет своего хозяйства, нанималось на работу к китайцам, либо, в лучшем случае, имело собственную торговую лавку или какое-либо другое дело.

Вместе с тем положение русских во второй половине 1930-х гг. продолжало оставаться сложным. По этому поводу одна из эмигрантских газет писала: «Русская эмиграция в Синьцзяне, довольно многочисленная <...> в обстановке гражданской войны, процесса большевизации края, попала в исключительно трагическое положение. Ее то ласкают, то

⁴ Подробнее см.: Наземцева Е. Н. Сотрудничество властей провинции Синьцзян с белогвардейской эмиграцией в период подавления мусульманского восстания (30-е гг. XX в.) // «Китай: шансы и вызовы глобализации». Тезисы докладов XIV международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 23–25 сентября 2003 г.). М., 2003.

⁵ Трескин Н. С. О жизни и о себе. С. 132.

зажимают в клещи. <...> Положение воистину трагическое. Трагизм увеличивается под воздействием третьей силы — большевиков»⁶. Примером этого может служить следующий эпизод. В эти годы, учитывая многонациональность провинции, руководство Синьцзяна создает различные ассоциации сохранения культуры разных национальностей. В Урумчи была создана Ассоциация содействию культуры Гуйхуа, то есть культуры русской диаспоры. В 1946 г. Генеральный консул СССР в Урумчи призвал китайские власти закрыть Ассоциацию. В ответ эмигранты обратились к правительству Синьцзяна с заявлением об образовании Ассоциации по содействию эмигрантам СССР. В ассоциацию вступили 650 человек. Однако через несколько лет руководство провинции все-таки санкционировало ее ликвидацию⁷.

Духовными центрами русской колонии по-прежнему оставались православные храмы и моленные дома, в том числе православный Свято-Никольский храм в Кульдже. Он просуществовал до 1960-х гг. Именно сюда в 1930-е гг. из Суйдуна была перенесена почитаемая верующими чудотворная икона Табынской Божией Матери, в 1920 г. привезенная атаманом Оренбургского казачьего войска А. И. Дутовым⁸. Кроме того, имелась церковь сначала при русском, а затем при советском консульстве в столице Синьцзяна — Урумчи, но постоянных богослужений там не проводилось. В 1920-е гг. сотрудники консульства намеревались сделать из нее клуб, но категорически против этого выступили не только представители русской общины, но и китайское руководство провинции, и храм оставили в покое. Существовал православный храм и в другом центре русской эмиграции Синьцзяна — в г. Чугучаке. В небольших селениях провинции имелись православные молитвенные дома⁹. По справедливому мнению советских источников, они являлись своеобразным связующим звеном и объединяли всех православных¹⁰.

Таким образом, всего в Синьцзяне было три православных церкви и два молитвенных дома: в г. Кульджа — одна церковь и один молитвенный дом (настоятелем православной церкви являлся священник П. Н. Кочуновский, в этой же церкви служил и священник Феодосий Солошенко), православный храм в г. Чугучаке, где служил священник

⁶ Наша заря. 1934. 30 мая. № 1924. С. 4.

⁷ <http://china.org.cn/russian/212906.htm>.

⁸ История Российской Духовной миссии в Китае: Сб. статей. М., 1997. С. 368. В Суйду-не икона хранилась в церкви при Оренбургской армии, сооруженной в подвале одного из каменных зданий города (Сафронова Е. Где ты, моя Родина? С. 22).

⁹ История Российской Духовной миссии в Китае. С. 366.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 276. Л. 41.

Е. В. Акимов, церковь в Урумчи, где настоятелем являлся священник Филонский, недалеко от Кульджи, в селе Кунец находился моленный дом¹¹.

В одном из первых центров русской эмиграции г. Суйдун, где в 1920 г. расположился атаман А. Дутов с остатками своей армии, церкви вообще не было, не было даже моленного дома. К 1940-м гг. русских в этом регионе осталось очень мало, однако по просьбе русской общины в город из Кульджи приезжал священник, чтобы отслужить литургию и исполнить другие обязанности¹². Однако службы проходили очень скромно, во дворе местной русской школы.

Русские православные эмигранты, находясь в чуждой для них социокультурной среде, стремились сохранить свои культурные и духовные ценности и передать их своим детям, родившимся уже в Синьцзяне. Многие русские женщины-эмигрантки, вышедшие замуж за китайцев, продолжали придерживаться своей веры, крестили своих детей, причем мужья-китайцы им в этом не препятствовали, более того, есть сведения, что сами китайцы принимали православие¹³. Для эмигрантов церковь являлась не только местом для молитвы и скорби, но и своеобразным центром общения. Без этого русская эмиграция не смогла бы существовать как единое целое и растворилась бы в столь поликультурном и поликонфессиональном регионе, как Северо-западный Китай.

О роли Русской Православной Церкви и деятельности ее представителей по сохранению русской культуры вообще и ее материальных памятников в частности свидетельствуют события, имевшие место в Синьцзяне во второй половине 1940-х гг. В 1947 г. Московской Патриархией в г. Кульджу был командирован протоиерей Димитрий Андреевич Млодзяновский. Он пробыл в Синьцзяне с февраля по сентябрь. До приезда Млодзяновского никто из русских эмигрантов не надеялся, что к ним из СССР будет прислан священник. За время своего пребывания в провинции Млодзяновский, по мнению советских источников, «провел значительную работу среди русских эмигрантов и, по отзывам последних, сблизил их с Родиной»¹⁴.

В Кульдже о. Димитрий совершил ряд богослужений в Свято-Никольской церкви, там же выступал с проповедями. Сам о. Димитрий в своем отчете Патриарху Московскому и всея Руси Алексию следующим образом описывал первый день своего служения в переполненном людьми

¹¹ Там же. Л. 41, 49.

¹² Сафронова Е. Где ты, моя Родина? С. 100.

¹³ ГАРФ Ф. 6991 Оп. 1. Д. 276. Л. 41.

¹⁴ Там же. Л. 42.

храме: «В первый день моего служения в Никольском храме, где собралось много молящихся русских граждан, а также присутствовали и мусульмане, мною была сказана приветственная речь от лица Вашего Святейшества всему русскому населению, проживающему в провинции Синьцзян, Китай. Моя речь произвела возбуждение чувства к матери Родине и Святой Православной русской церкви, у всех молящихся появились слезы, и многие плакали, чувствуя себя сиротами, оторванными от дорогого Отечества, но и были слезы радости за проявление отеческой любви Вашего Святейшества»¹⁵.

Там же, в Никольском храме, 9 мая, в День Победы, Млодзяновским было проведено торжественное богослужение, произнесена проповедь на тему о Великой Отечественной войне, о зверствах фашизма, о патриотическом подъеме русского народа, о разорении русских сел, городов. После проповеди был отслужен благодарственный молебен о даровании Богом победы всему русскому воинству¹⁶. На этом богослужении присутствовало значительное число бывших белогвардейцев, в то время находившихся на службе в китайской армии¹⁷.

В Кульдже, при церкви Млодзяновским был организован хор, в котором пели дети русских эмигрантов школьного возраста, одновременно открылись певческие курсы. Таким образом, было восстановлено общее пение молящихся, оживилась регулярная и разнообразная приходская жизнь, «за что верующие очень благодарны»¹⁸.

В сентябре Млодзяновский выехал для отчета о своей деятельности в Москву. Его работа в Синьцзяне была признана весьма успешной, и он снова был направлен в провинцию, теперь уже на постоянную работу и жительство¹⁹.

После своего возвращения в Синьцзян о. Димитрий продолжил свою активную деятельность: он совершал регулярные объезды русского населения по городам и селам провинции. Его трудом была капитально отремонтирована церковь в Кульдже, по некоторым данным, рядом была выстроена колокольня, восстановлены приходы в Чугучаке и в Илийском округе. Его в буквальном смысле подвижническую деятельность оценила и Русская Православная Церковь За рубежом: «Разумные и правдивые речи о. Димитрия сделали этот край неузнаваемым. Суеверию и сектантству положен предел, а неправда о религии в России сама себя

¹⁵ Там же. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 38.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 37.

¹⁹ Там же. Л. 31.

разоблачила. Везде в результате его поездок, выступлений и проповедей русские православные сплотились в единую семью»²⁰.

Однако во многих общинах активная православная жизнь длилась недолго и постепенно угасла по причине смерти своих прихожан или ассимиляции их детей²¹. В Синьцзяне же причиной ее прекращения стал внешний фактор. В 1960-е гг., в период «культурной революции», из-за преследований практически все русские покинули провинцию, большинство православных храмов было разрушено, в том числе Кульджинский храм. Исчезла и икона Табынской Божией матери. До сих пор ее местонахождение неизвестно.

К концу 1980-х гг. ситуация в Китае изменилась. В 1986 г. небольшая община русских, оставшихся в Синьцзяне, добилась разрешения на строительство нового Свято-Никольского храма, но теперь — в Урумчи. Строительство было завершено к 1991 г. Однако богослужения в храме не возобновились — в Синьцзяне до сих пор нет православных священников. Храм так и остался неосвященным. Его убранство очень скромное: часть его была передана православными из Сан-Франциско, часть — из России (самодельные бумажные иконы из настенных календарей)²². По праздникам и в воскресные дни православные Синьцзяна собираются в храм для молитвы. Еще один православный храм строится в Чугучаке. Таким образом, сегодня православные церкви в провинции практически восстановлены, но, несмотря на это, они не действуют.

Это подтверждает те особые условия, в которых вынуждена была существовать русская диаспора в этом уголке Китая. И все же здесь остались отдельные реликты русской жизни, воплощенные в сохранившихся, вопреки всем перипетиям истории, памятниках. Например, в Кульдже все еще существует «русский квартал». Недалеко от него, практически за чертой города, расположено русское православное кладбище. С первого взгляда непонятно, где кончаются небольшие огороды и начинаются могильные холмики. Над каждой могилой установлены скромные памятники.

Во время «культурной революции» кульджинское кладбище лишилось всех своих крестов и памятников, перестало быть мемориалом тысячам конкретных русских людей и превратилось в одну огромную братскую могилу. Лишь в последние годы над заросшими бурьяном холмиками

²⁰ Рассвет православия в Западном Китае // Единая Церковь. Официальный журнал Экзархата РПЦ в Америке. 1949. Т. 3. № 7/8. С. 20.

²¹ Антонов В. В. Эмигрантские храмы Европы 1920–1960 гг.: историко-архитектурный аспект // Зарубежная Россия. 1917–1945: Сб. статей. Кн. 3. СПб., 2004. С. 127.

²² История Российской Духовной миссии в Китае. С. 375.

снова стали подниматься кресты. Большинство могил восстановлено потомками кульджинцев, которые специально для этого вновь на короткое время возвращаются в провинцию. Следует отметить, что до сих пор во время дня поминовения усопших на русском кладбище собирается достаточно большое количество людей. Недавно по просьбе русской общины на средства правительства Синьцзяна рядом с кладбищем была возведена очень простая по своему убранству часовня. Однако священника в ней до сих пор нет²³.

Помимо русского кладбища в Кульдже, в Синьцзяне имеется еще одно небольшое русское кладбище — Доржинки. Оно находится на расстоянии четырех километров от Суйдуна. Именно на этом кладбище был похоронен атаман Оренбургского казачьего войска А. И. Дутов.

Таким образом, несмотря на то, что основная часть русских покинула провинцию в 1940-е и 1960-е гг., остатки русской диаспоры на западной окраине Китая оказались весьма стойкими и существуют по сей день. Русская эмиграция в Синьцзяне оказала существенное влияние на культуру всей провинции. Нигде больше в Китае так открыто не соседствуют мусульманские мечети, буддийские храмы и православные церкви. Русское влияние чувствуется во всех наиболее значимых городах провинции. Иногда это выражается во внешнем облике улиц, кварталов, отдельных зданий, иногда — в речи, жестах, внешнем облике проходящих мимо местных жителей.

В последние годы в китайской партийно-государственной практике появилась формулировка о «13 коренных народах Синьцзяна». В этот список на равных вошли и русские, являющиеся единственным европейским народом, официально признанным в Китае национальным меньшинством. Во многом это заслуга русской диаспоры, не рассеявшейся бесследно по стране и сумевшей сохранить свою культуру.

²³ <http://dipkurier.narod.ru/dip43/krest.htm>.